

В. ШТЕЙН
Артур Шопенгауэр (1788—1860)
Биографический очерк

Sie sind mir alle fremd, die mich umgeben,
Die Welt ist öde und das Leben lang.
Parerga II. S. 694.
Wenn Alles bricht, so bleibt uns nur
Rückkehr zum Urquell der Natur.
Parerga II. S. 696

Если всякое вообще юбилейное торжество способно навевать более или менее серьёзные мысли, то настоящее чествование особенно назидательно: оно блестяще подтверждает мнение Шопенгауэра о том, что легковесные репутации, созидаемые капризом дня, быстро меркнут по мановению новой моды, тогда как более совершенные дарования и гениальность не замечаются вовсе современниками, причем количество лет, протекающее между появлением крупного творения и оценкою его по достоинству, может служить ему масштабом тому, насколько автор опередил свой век. Шопенгауэр, обладая весьма сильным самолюбием, — вполне понятным, так как он всю жизнь положил на разработку своего учения, — до старости лелеял мечту, что ему воздадут должное; но годы проходили, а надежды его не сбывались; в 1819 г. он писал в своем дневнике: «Потомство ж за него (за творение) мне памятник воздвигнет», а современники равнодушно проходили молчанием его деятельность. Автор-неудачник, 56-летний мизантроп, — не разочаровавшийся лишь в своей гениальности — писал своему издателю: «Я своим творением вполне доволен. В нем все ново... Я надеюсь, что оно наконец победит равнодушие тупого света»... а его сочинения или продавались на вес, как макулатура, или для усиления сбыта, но безуспешно, предлагались с значительной сбавкою против первоначальной цены¹.

И что же? Прошло несколько десятилетий и, вот, противники Шопенгауэра — немецкие «профессора философии, философастеры и софисты» — преданы забвению, убиты насмешкою, а на ряду с этим ныне в Германии идет подписка на сооружение памятника «Каспару Гаузеру немецкой философии», в которой принимают участие такие лица, как Бенигсен, Бунзен, Вундт, М. Мюллер, Эрн. Ренан, Лавелэ и т. д. Впрочем, каждый из нас, кто пытается овладеть литературою о Шопенгауэре, на опыте проверяет высказанную им когда — то уверенность, что его произведение рано или поздно породит сотни других сочинений, его пополняющих и разъясняющих; немецкая литература имеет теперь не только специальный Schopenhauer-Lexikon, но и целый библиографический указатель Laban'a, где простое перечисление заглавий книг и статей, о Шопенгауэре, или по поводу его, занимает около пяти печатных листов, а сами произведения Шопенгауэра переводятся на все важнейшие европейские языки и распространяются далеко за пределы тех 10 тыс. читателей, которых мыслитель рассчитывал приобрести для своих сочинений².

Таким образом, что бы ни говорили о *самомнении* Шопенгауэра, неллицеприятный приговор потомства вполне оправдал веру мыслителя в плодотворности его деятельности.

Успех этот однако же пришел медленно. По странному стечению обстоятельств,

---

¹ Gwinner. Schopenhauer's Leben. S. 438 и 478.

² Lindner. Von ihm. Ueber ihn. S. 81.

первый, кто натолкнул внимание немцев на новое учение, был *Джон Оксенфорд*, поместивший весьма сильную статью о заслугах Шопенгауэра перед германской философией в английском журнале *Westminster and foreign quarterly review* (апрель 1853 г.), под заглавием «Iconoclasm in German Philosophy»; „профессора философии» лишь впоследствии принуждены были признать, что учение Шопенгауэра о средствах познания существенно пополняет исследования Канта. Таким образом началом успеха философия Шопенгауэра была обязана отнюдь не корифеям немецкой науки, но Оксенфорду, а еще более *Юл. Фрауэнштэдту*, который в 1853 г- издал систематический и популярный обзор учения Шопенгауэра — „*Briefe über die Schopenhauer-sche Philosophie*». Этот последний труд привлек к новому учению будничных образованных читателей, которым всего удобные и легче было приняться за ознакомление с неизвестным мыслителем с выпущенного им в 1850г. 2-томного сборника мелких, весьма остроумных и злых статей, под заглавием „*Parerga und Paralipomena*»; затем уже и на второстепенные элементы философии Шопенгауэра стали обращать внимание такие натуралисты, как Рокитанский, Чермак, Гельмгольц и др..

Выйдя из заколдованного круга игнорирования, сочинения Шопенгауэра в 50-х годах уже настолько распространились в Германии, что стало в некотором роде принадлежностью хорошего тона заявлять знакомство с «Миром как воля и представление», а «*Parerga und Paralipomena*» появились даже в дамских будуарах.

Если в творениях новоявленного мыслителя *светские люди*, разочарованные и пресыщенные жизнью, находили обоснование своему пессимизму; если *художники*, в роде Рих. Вагнера, выражали сочувствие эстетическим взглядам философа; если наконец *умственная чернь* делала себе просто потеху из рассыпанных в отдельных статьях „*Parerga u. Paralipomena*» хвастливых выходов автора и из едких его бутад *de rebus omnibus et quibusdam aliis*, то в свою очередь и лучшие умы, трезво изучая творения философа, открывали в них неожиданные, негаданные перлы: Шопенгауэр затрагивает столь глубоко научные вопросы, что сенсуалист — в его психологии, идеалист — в его теории познания, реалист — в его метафизике, все черпают одинаково веские и остроумные доводы в подкрепление своих теорий.

Причины хотя и запоздалого, но столь блистательного успеха Шопенгауэра среди наших современников весьма разнообразны. Не мало здесь, конечно, повлияла сама *внешняя форма* произведений Шопенгауэра. Хотя философская литература свое существование на немецком собственно языке исчисляет более чем в 150 лет, — со времен Хр. Вольфа, — тем не менее позволительно спросить: можно ли назвать тот ученый *жаргон*, на котором писал хотя бы сам Кант, не говоря уже о послекантовских знаменитых «софистах», — языком вразумительно немецким? Преисполненный технических выражений, язык Фихте, Шеллинга, Гегеля и иных был мало доступен пониманию профанов — в оборот был пущен такой аппарат сложных слов и выражений, такое нанизывание предложений, входящих одно в другое и образующих бесконечные периоды, что смысл мудреных речей лишь путем филологических ухищрений и произвольных комментариев мог быть внедрен в здоровый человеческий ум. Поэтому-то в ту эпоху, как послекантовские системы, облеченные в неясные формы, стали утрачивать поклонников, люди, склонные к умозрению, должны были с чувством особенного наслаждения отдыхать над прелестью шопенгауэровского языка, который, своею ясностью и чистотою, благозвучием и силою, из сочинений Шопенгауэра делает *chef-d'oeuvre*'ы. Что Шопенгауэр в истории немецкой словесности признается за замечательного стилиста, в этом одинаково сходятся — и *Jos. Hillebrand* в „*Deutsche Nationallitteratur seit Lessing bis auf die Gegenwart*», приписывающий ему и значительное философское значение, и *Jul. Schmidt* — в «*Geschichte der deutschen Litteratur seit Lessings Tod*», который оспаривает философские заслуги Шопенгауэра. Действительно, все оттенки мысли находят под мастерским пером Шопенгауэра живое, благородное, всегда выпуклое, картинное выражение и, притом, никогда не вырождаются в пошлость и фразерство.

Еще большее впечатление, чем стиль Шопенгауэра, должен был производить на читателя *метод* его изложения. Вся послекантовская философия движется по пути

бесконечных дедукций: из определенной посылки, путем цепи последующих умозаключений создается та или иная система; но достаточно, чтобы или первая посылка была ошибочна, или чтобы дальнейшее развитие мыслей — несмотря на кажущуюся логичность — грешило в существе, и вот — система, казавшаяся венцом диалектического искусства, колеблется и, построенная на песке, легко рушится. Иное дело у Шопенгауэра: вооружившись индукцией и созерцанием, он отнюдь не делает вывод за выводом из произвольно поставленного краеугольного положения, но в самое основание системы полагает ряд фактов, добытых опытным путем. Подобный прием, несомненно, должен был встретить сочувствие у того поколения, которое и самые абстрактные вопросы: пытается приводить в связь с фактами и экспериментами.

Независимо от стиля и метода, наиболее, разумеется, способствовало славе Шопенгауэра — самое *внутреннее содержание* учения.

В последующих статьях этого сборника более компетентные судьи оценят то значение, которое, принадлежит деятельности Шопенгауэра в области теории познания, метафизики и этики, и объяснят ту роль, которую играет Шопенгауэр как по отношению к Канту, так и по отношению к различным направлениям продолжателей Канта. Мы же здесь ограничимся лишь замечанием, что глубокая мысль, которою объединяется весь хаос разнородных явлений, совершающихся в мировом процессе, и тот заключительный аккорд, который примиряет все противоречия в сфере нравственной и, через подавление воли, выдвигает на передний план *аскетизм*, а в противовес сухому эгоизму — *милосердие* и *снисходительность* как к ближним, так и к животным — все это придает непреходящую силу творению Шопенгауэра. Разумеется, здесь имеются неясности и пробелы, выступают кое-где и противоречия, но — как справедливо замечает Шопенгауэр, говоря о Канте — ошибки и заблуждения указать в гениальном творении гораздо легче, нежели правильно и полно его развить и истолковать.

Мировоззрение Шопенгауэра представляет потому уже *капитальный* интерес, что оно привело, особенно в учении Гартмана, выражаясь словами *Вл. Соловьева*³, — к попытке, путем рационального познания, утвердить те же истины, которые в форме веры и духовного созерцания проповедовались теологиями Востока, и осуществить, в дальнейшем эволюционном процессе, универсальный *синтез* науки, философии и религии.

В самом деле *буддизм* учит, что Майя, — обманчивое покрывало, спускающееся на глаза смертных, — показывает им мир, о котором нельзя сказать, ни что он существует, ни что он не существует, но что кто путем подвижничества подавляет в себе волю, тот освобождается от обманчивого мира и погружается в блаженную Нирвану, чуждую всяких хотений.

Сходство между буддийскими верованиями и учением Шопенгауэра поразительно; но для правильной оценки этой аналогии не лишнее привести здесь выписку из письма Шопенгауэра к Адаму Ф. Доссу, от 27 Февраля 1856 г.: «Вы выискали совершенно правильно наиболее существенное у *Spence Hardy* (в *A manual of buddhism*), пишет мыслитель; действительно *upadana* = воле к жизни; *карма* = индивидуальной воле без интеллекта, т. е. тому, что составляет эмпирический характер; в томе IX „*Asiatic researches*» на стр. 256 стоит „*The origine of Karma is inconceivable*». Вообще совпадение с моим учением удивительное; но 1 том „*Mira*, как воля и представление написан между 1814—1818 гг., когда обо всем этом я и не знал и не мог знать»⁴.

То же совпадение с буддизмом прослеживается и по некоторым отдельным доктринам. Так, напр., буддийское воззрение на физическое зло и катастрофы, как на следствие

³ Кризис западной философии против позитивистов. М., 1874. II

⁴ *Deutsche Zeitung* от 31 Декабря 1873 г. № 360. Равным образом и Фрауэнштедт на стр. 99 своего *Schopenhauer-Lexikon'a* утверждает, что хотя буддизм, по своему идеализму, атеизму и пессимизму, согласуется с философией Шопенгауэра; но из этого совпадения отнюдь не следует, чтобы воззрения Шопенгауэра слагались под непосредственным и тесным влиянием буддизма. (Ср. Мир к. в. и пр. Т. II стр. 186 3-го изд., *Nachlass* стр. 432, *Parerga* Т. II стр. 324 по 2 изд.).

нравственных заблуждений и проступков, близко к проводимой Шопенгауэром мысли о том, что природа есть объективация воли к жизни и рисуется в соответствии с нравственными свойствами воли: какова воля, таков и ее мир (Nachlass, стр. 430 и след.; Parerga, Т. II стр. 322 по 2 изд.). Равным образом замечание Шопенгауэра о том, что мир должен ожидать искупления от человека, не чужда и буддизму (Мир к. в. и пр., Т. I стр. 450 по 3-му изд.). Доктрина о неуничтожении воли после смерти представляется в буддизме *экзотерической и эзотерической*; первая, как в браманизме, выражается в метемпсихозе; вторая — менее доступная пониманию — палингенезия имеет сходство с учением Шопенгауэра о метафизической неизменной сущности воли, при чисто физических ее свойствах, и с учением Шопенгауэра о соответствующей физическим свойствам брэнности интеллекта (Parerga Т. II стр. 293 по 2 изд. и Мир как в. и пр. Т. II стр. 574 по 3-му изд.). Наконец, буддийское противоположение Сансары Нирване соответствует шопенгауэровским утверждению и отрицанию воли к жизни. Сансара есть мир все новых возрождений, мир похоти и желаний, обмана чувств и изменчивости форм, мир зарождения, старения, заболевания и умирания, тогда как Нирвана или уничтожение — потухание — есть то, что наступает с отвержением греховной воли — воли, порождающей явления мира — другими словами, есть отсутствие воления, т. е. по своей сущности подходит под понятие: *magnum sakhepat* ведического учения или *ετεκεῖνα* неоплатоников (Мир как в. и пр. Т. II стр. 581, 640, 696, 698 по 3-му изд., Parerga Т. II стр. 334 по 2-му изд. и Мир к. в. и пр. Т. I стр. 421 по 3-му изд.).

Я, впрочем, сознаюсь, не верю и сам, чтобы мое учение могло возникнуть прежде, чем в человеческий ум не проникли одновременно лучи света, изливаемые Платоном, Кантом и Упанишадами»⁵.

Бесспорно существенного значения не представляет вопрос о том, могло ли или не могло на зарождение доктрины нашего мыслителя повлиять какое-нибудь случайное замечание — хотя бы напр. г-жи de Stael в «De l'Allemagne»⁶; кто же интересуется подобными разысканьями, тот может найти любопытные факты у *Kapo* в «Le pessimisme au XIX siecle» или у *Плюмахера* в «Der Pessimismus in Vergangenheit und, Gegenwart». Но в историческом отношении, несомненно, важно уяснить, кому именно принадлежит в XIX в. философское обоснование пессимизма: Шопенгауэру или Леопарди? Кажется, есть основание склоняться в пользу первого: сборник стихотворений Леопарди выпущен в 1824 г., а *Operette morali* в 1827 г.⁷, т. е. несколько лет спустя после издания в свет 1 тома «Мира как воля и представление». К тому же имеется свидетельство самого Шопенгауэра, из коего явствует, что с произведениями Леопарди он познакомился лишь в 50-х годах. Именно Ад. Ф. Досс первый привлек внимание Шопенгауэра на мало известного в 50-х годах Итальянского мыслителя. На это Шопенгауэр между прочим пишет Ф. Доссу, от 14. марта 1858 г. «Заказал я Фришу в Маннгейме доставить мне *Operette morali* и *Pensieri* Леопарди. Посмотрим!...» и позднее, от 1 марта 1859 г.: «По вашим настояниям выписанные сочинения Леопарди наконец получены мною минушею осенью в 4-м издании 1856 г., с гравюрою, изображающею автора на смертном одре. С немалым наслаждением прочел я их несколько раз, но проза Леопарди мне нравится гораздо более чем его стихи: лишь какая-нибудь пара стихотворений — и в том числе «*Recantazione*» — заслужила полное мое одобрение. Линднер, которому я об этом писал, перевел в *Vossische Zeitung*, с 30 ноября по 1 января, ряд диалогов и, в предисловии и послесловии к ним, проводит параллель между Леопарди и

⁵ См. Lindner u. Frauenstädt. Von ihm. Ueber ihn. S. 250, или в рус. переводе полную цитату у Вл. Штейна — Арт. Шопенгауэр, как человек и мыслитель Т. I. С. 234.

⁶ L'homme parvient par la chimie, comme par le raisonnement au plus haut degre de l'analyse, mais la vie lui echappe par la chimie, comme le sentiment — par la raison..... Quoiqu' il en soit, la volonte, qui est la vie, et la vie, qui est aussi la volonte, renferment tout le secretes de l'univers et de nous-memes, et ce secret-lä, comme on ne peut ni le nier, ni l'expliquer, il faut y arriver necessairement par une espfeces de divination».

⁷ Bouche Leclercq. Giacomo Leopardi — sä vie et ses oeuvres. Pp. 137 et 214.

мною: очень хорошо!...»⁸

Под впечатлением же сочувствия к Леопарди, Шопенгауэр во 2-м издании II тома „Мира как воля и представление» в главе «Von der Nichtigkeit und dem Leiden des Lebens» поместил следующий отзыв о Леопарди: «Никем этот предмет не рассмотрен столь основательно и полно, как нашим современником Леопарди. Леопарди преисполнен, насквозь пропитан своим предметом; бесцельность и бедственность земного существования является неизменно его темою; живописует он их на каждой странице, но столь разносторонне, в такой разнообразии форм и с таким богатством красок, что никогда не наводит скуки: всегда занимательный, он действует возбуждающе»⁹.

Пора, однако, покончить с отступлениями, которыми мы столь злоупотребляли, и задать себе вопрос: кто же был Шопенгауэр — этот пресловутый «Франкфуртский отшельник», этот удивительный носитель столь фантастичного и своеобразного мирозерцания?

Только интерес, вызываемый самым творчеством Шопенгауэра, и может в большинстве читателей возбуждать желание ознакомиться с подробностями жизни мыслителя, хотя, несомненно, личность и характер Артура Шопенгауэра, рассматриваемые сами по себе, представляют любопытный психологический интерес.

Одна добродетель, вполне отвечающая призванию философа, несомненно, присуща Шопенгауэру — любовь к истине. Неумолимое стремление к познанию истины проходит красной нитью через всю его долгую жизнь и во всех столкновениях с людьми и предрассудками берет верх над прочими соображениями. Но за всем тем сколько упреков — и подчас заслуженных — делалось мыслителю за то, что он теоретическое свое учение не проводил в своей же жизни, и за то, что возвышенное его учение оказывалось в прямом противоречии с бурными страстями и слабостями, терзавшими гениальную натуру Шопенгауэра. В самом деле в его жизни не оберешься алогизмов: он поучал любви к ближнему, а сам оставался эгоистом; он указывал на презрение к суете мирской, а сам боялся бедности, ревниво оберегал свои имущественные интересы и жаждал успехов и славы; он учил ненавидеть жизнь, а сам до трусости терзался страхами пред воображаемыми опасностями; он учил наконец благожелательности, милосердию и справедливости, а сам был задорен, презрителен и недоверчив до болезненности.

И в другом еще отношении течение жизни Шопенгауэра производит несколько разочаровывающее впечатление: хотя друзья и «апостолы» Шопенгауэра своими разоблачениями и признаниями пытались разносторонне осветить личность мыслителя, и с внешней, и с внутренней стороны, тем не менее тех сведений, которые бы ясно характеризовали постепенное и органическое развитие его умозрения, мы не встречаем. Известно, правда, что происхождение его философии было подготовлено, с одной стороны, глубоким изучением Платона и Канта в студенческую пору и наряду с этим — в виде противовеса кабинетной односторонности — обилием разнообразных и плодотворных наблюдений, почерпнутых из путешествий, а равно обстоятельным изучением естествознания; с другой стороны, на установлении его мировоззрения отразилась сложность и некоторая трагичность отношений к семье, что несомненно должно было придать душевному строю молодого человека оттенок угрюмости, — тем более сильный, что по натуре Шопенгауэр был склонен к меланхолии; наконец, занятия музыкою, близкое общение с Гёте и Фр. Майером, весьма раннее изучение литературы индусов, по таким первоисточникам, как Упнекхат *Анкетиля дю Перрона*, — все это привходит, как отдельные факторы, влиявшие на установление основоположений философии Шопенгауэра. Однако же, хотя все это и известно и хотя даже опубликованы Фрауэнштедтом отрывки из дневников Шопенгауэра, тем не менее ход развития умственной индивидуальности Шопенгауэра и происходившие в ней *процессы творчества* мало выяснены, и, как Паллада-Афина вполне

⁸ Deutsche Zeitung от 14 января 1873 г. N373.

вооруженная вышла из головы Юпитера, так и вся система своеобразных воззрений Шопенгауэра предстает пред нами даже в первой — вводной, так сказать, — работе мыслителя (в докторской его диссертации) вполне уже законченной и неизбежно приводящей к конечным результатам доктрины: нигде и ни в чем мы не делаемся свидетелями тех колебаний, того медленного становления, того постепенного развития мысли, какие наблюдаются в истории постепенного возникновения систем других философов.

Внешняя жизнь мыслителя — хотя и обнимает свыше семи десятков лет, т. е. выходит за предел, редко достигаемый массою смертных, — мало разнообразится переменами.

Артур Шопенгауэр родился 22-го февраля 1788 г. в Данциге, в семействе голландского происхождения, принадлежавшем к Ганзейской купеческой аристократии и имевшем герб с многозначительным девизом «Point de bonheur sans liberte».

На голландском своем происхождении Арт. Шопенгауэр особенно настаивал, так как, наравне с «профессорами философии», презирал немцев и их филистерство. «В предвидении смерти, — пишет он, — я почитаю нужным оговориться, что не терплю немецкую нацию за беспредельную ее глупость и краснел бы, если бы принадлежал к ней».

В другом месте он замечает: «Немцев упрекают за то, что они подражали французам и англичанам; но забывают, что это самое умное, что они — как нация — могли сделать, ибо собственными силами они не произвели бы ничего дельного и путного».

Из генеалогических данных, сообщаемых *Гвиннером*, видно, что ближайшие родственники Арт. Шопенгауэра с отцовской стороны страдали предрасположением к душевным болезням, привнесенными в род Шопенгауэров бабкою Философа — Анною Ренатою, ур. Серманс; сама она кончила слабоумием, да и ее сыновьям плохо повезло, в том числе и Гейнриху Флорису (отцу Артура), завершившему свою жизнь самоубийством. Равным образом и дед Арт. Шопенгауэра *по матери*, Хр. Г. Трозинер, отличался раздражительностью характера: он бывал порою столь грозен, что заставлял разбегаться всех домашних, начиная с жены и кончая кошками. С такими фамильными предрасположениями Артур Шопенгауэр имел скорее шансы сделаться гениальным человеком или сумасшедшим, нежели ординарной личностью; хотя психопатом Артур Шопенгауэр и не был — попытки *Зейдлица* и *Ломброзо* представить его таковым едва ли достаточно доказательны — но, несомненно, от отца и деда к Арт. Шопенгауэру перешли дурной характер, упрямство, правдивость и — что оригинальнее — глухота, которою страдал Гейнрих Флорис Шопенгауэр.

Мать Артура — Иоганна, ур. Трозинер, была на 19 лет моложе мужа и, выйдя за Гейнриха Фл. Шопенгауэра лишь потому, что он играл в Данциге заметную роль и был более чем зажиточен, брала от брака то хорошее, что он мог ей дать, помимо удовлетворения чувства любви: она вела роскошный образ жизни в подгородном имении мужа, поддерживала широкое знакомство и, под руководством Гейнриха Флориса — человека широко образованного и поклонявшегося французской философии, пополняла пробелы своего, весьма ограниченного образования. Одаренная природным умом, не лишенная талантов, но вместе с тем холодная, мало способная отдаваться сердечным влечениям, Иоганна Шопенгауэр впоследствии — когда ее материальная обстановка изменилась к худшему — обратилась к писательству; романы ее (как напр. *Sidonia*, *Die Tante*, *Gabriele* и пр.), а равно описания путешествий и биографические очерки (*Leben Fernau's* и др.) пользовались когда-то в Германии большой популярностью; умерла она в 1838 г.

Равным образом и сестра Арт. Шопенгауэра Адель, родившаяся в 1797 г. и умершая в 1849 г., оставила по себе некоторый след в литературе весьма изящными «*Haus-, Wald-, und Feldmärchen*». По сохранившимся письмам к брату и по характеристике ее, помещенной в книге *Гвиннера*, она представляется изо всей семьи Шопенгауэров наиболее симпатичною особой.

Артур предназначался отцом к торговой карьере — и самое имя было выбрано мальчику, как весьма удобное для главы торговой фирмы, по краткости и одинаковости

произношения на всех языках. Сам — человек с выдающимся образованием, Гейнрих Флор. Шопенгауэр весьма заботился о развитии сына, но против университетской дороги он имел непреодолимое предубеждение и неразрывно связывал в своей голове понятия «учености» и «бедности». Некоторое время Гейнр. Флорис носился с мыслью обеспечить за сыном место каноника в Гамбурге, но потом порешил окончательно сделать из сына купца. При этом, однако же, не только не было забыто об образовании, но делалось все возможное, чтобы мальчика развить всесторонне: наукам его учили и дома, и в школе; кроме того, обращалось внимание на музыку, танцы, пение, рисование, верховую езду и даже на фехтование.

Гейнр. Флорис держался того принципа, что юноше следует по возможности раньше начинать учиться по книге света, а потому и в детстве, и в юности Артур сопровождал родителей в их частых и продолжительных путешествиях по Германии, Австрии, Франции и Англии. К этому-то раннему времени относится и: начало того глубокого усвоения языков и литературы европейских народов, которыми Шопенгауэр владел впоследствии в таком совершенстве. Из ранних путешествий Артур извлек еще и ту пользу, что научился узнавать жизнь и природу в подлиннике, тогда как дети, обреченные на ознакомление с ними из книг, узнают не предметы, а слова и отвлеченные. понятия.

По возвращении в 1804 г. в Гамбург, куда Гейнр. Флорис Шопенгауэр переселился еще в 1793 г., после того как Данциг окончательно был присоединен к Пруссии, Артур поступил для практического ознакомления с торговою деятельностью в контору сенатора Иениша; сам Гейнр. Флорис весною 1805 г. внезапно покончил с собою, опасаясь разорения, — чуть ли не в припадке душевного расстройства.

Хотя Иоганна Шопенгауэр не только не стесняла сына в свободе, но скорее заслуживает укоризн за то, что покинула его на произвол судьбы и, ради вящего развлечения, переселилась в Веймар, тем не менее Артур из уважения к памяти отца долгое время не решался покинуть ненавистных ему торговых занятий; исполняя свои конторские обязанности лишь с формальной стороны и тяготясь ожидавшею его в будущем купеческою карьерою, юноша каждую свободную минуту проводил за книгою и изучал такие серьезные вещи, как напр. Френологию Галля. Однако же стремление выйти на более широкое поприще было слишком сильно, чтобы с ним бороться, и, вот, 19-летний юноша, по совету педагога Фернова, в 1807 г. усиленно принимается за систематические занятия и в каких-нибудь два года блистательно подготавливается к испытанию для поступления в университет. Он, при этом, получает такую любовь к изучению Греческой и Латинской словесности по оригиналам, что поздно по ночам зачитывается классиками и принимает за правило — которого придерживается в течение всей жизни — ежедневно посвящать час или два этому чтению.

В 1809 г. Шопенгауэр поступил в Гёттингенский университет на медицинский факультет и в течение четырех прослушанных там семестров изучал главным образом естественные науки.

Насколько широкое значение Шопенгауэр приписывал естественным наукам, видно из заметки, найденной Фрауэнштедтом после смерти мыслителя в его бумагах: «Блеск и господство естественных наук в нашем столетии столь велики, говорит он, что ни одна философская система не достигнет прочного влияния, если не соединится с ними тесными узами...»

Занятия естественными науками шли, однако же, рука об руку с изучением истории — у Геерена и Модера, а заем — логики, психологии и метафизики под руководством проф. Шульце, автора «Энесидема». Склонный и раньше к умозрению, Шопенгауэр, под влиянием бесед с Шульце, настолько увлекся вопросами философии, что вскоре предметом специального изучения избрал творения Платона и Канта.

В 1811 г. Шопенгауэр переселился в Берлин, где в лице Фихте ожидал встретить полезного для себя наставника; но преклонение пред популярным патриотом и философом вскоре сменилось разочарованием, которое выразилось в массе заметок, испещривших тетради, куда Шопенгауэр заносил слушаемые лекции. Тем не менее курс лекций Фихте

Шопенгауэр добросовестно прослушал до конца. Презрительное отношение к Фихте не составляет, впрочем, черты, исключительно свойственной одному Шопенгауэру. Так Доров в «Erlebtes» рассказывает, что Фихте на лекциях держал себя более чем странно; открывая напр. один из своих курсов, Фихте взошел на кафедру и начал с того, что глубокомысленно затушил обе стоявшие перед ним свечи, медленно зажег их снова, потушил, опять зажег и, многозначительно посмотрев на слушателей, изрек наконец — по выражению Дорова — «с минами и повадкою фокусника»: «М. Г.! Если вы хотите уразуметь, мои чтения, если вы хотите с пользою слушать мои лекции, то наперед вы должны проникнуться убеждением, что ровно ничего не знаете. От сотворения мира и до Платона человечество блуждало во тьме; от Платона до Канта тоже; после Канта и по настоящее, время дело обстоит немногим лучше»...

Можно себе представить, что Шопенгауэру такие выходки не могли нравиться. Двухлетний студенческий опыт убедил его, что слушание лекций по философии приводит только к бесплодной потере времени и что от лекторов философии можно разве узнать лишь — чему нужно учиться самостоятельно. Поэтому Шопенгауэр, еще будучи студентом Берлинского университета, сосредоточивает изучение предмета своей специальности на первоисточниках, продолжая в то же время, в течение четырех семестров, слушать у Берлинских профессоров лекции по естественным наукам.

Своими сведениями по естествознанию мыслитель немало гордился и впоследствии. Так он пишет Фрауэнштедту, от 12 октября 1852 г.: «Чтобы говорить о физиологии, надо в университете пройти полный курс естественных наук, а затем и впоследствии не откладывая эти науки в сторону; тогда в самом деле можно знать, о чем трактует физиология, а иначе нельзя. Так поступил и я: ревностно изучал анатомию у Гемпеля и Ленгенбека; затем, специально по анатомии мозга участвовал в Collegium'e у Розенталя, при анатомическом театре Берлинского госпиталя Repinierg, в течении 3-х полугодий занимался химией; прослушал по два курса зоологии, сравнительной анатомии, минералогии, ботаники, физиологии, географии, астрономии и т.д.; да и в течение всей жизни следил за успехами в области естествознания, читая важнейшие сочинения преимущественно французских и английских натуралистов, — что могут подтвердить имеющиеся в моей библиотеке книги, испещренные на полях моими заметками...

Независимо от систематических, как видно, занятий естественными науками, Шопенгауэр в зимнее полугодие 1811/12 г. слушал у Росса лекции по северной поэзии, читал древних классиков, Монтеня, Рабле, Кантовскую «Kritik der Urtheilskraft», «Философские письма» Рейнгольда и только что вышедшее, рекомендованное Геереном своим слушателям, сочинение Иог. Мюллера «24 Bücher der allgemeinen Geschichte».

В летний семестр 1812 г. Шопенгауэр записался на лекции по истории греческой литературы у Фр. Авг. Вольфа, который еще более усилил в нем любовь к классицизму, помогая при чтении и толковании греческих авторов, а другим специальным курсом, посвященным сатирам Горация, настолько приохотил Шопенгауэра к названному поэту, что Гораций впоследствии стал неразлучным спутником нашего философа. Наконец, в зимний семестр 1812-1813 г. Шопенгауэр аккуратно посещал лекции того же Фр. Авг. Вольфа по классическим древностям.

Уже из этого краткого перечня академических занятий молодого студента можно вывести заключение, что 22-х – 24-летний Шопенгауэр и в университете не столько гнался за легким усвоением себе «Brod-Studien», сколько старался запастись разносторонними и солидными знаниями, необходимыми для мыслителя.

В 1813 г. Шопенгауэр собирался приступить к испытанию на ученую степень при Берлинском университете, но война помешала осуществлению этого плана, после битвы при Лютцене молодой ученый, поселившись в маленьком городке Рудольштате, разработал и заочно представил Йенскому университету диссертацию «О четверном корне достаточного основания» на соискание степени доктора философии. Докторский диплом ему выдан от 2 октября 1813 г.».

Зиму 1813—1814 г. Шопенгауэр провел в Веймаре живя у матери, которая вращалась в литературных кружках немецких Афин и пользовалась приязнью Гёте; здесь молодой ученый своею диссертациею, мало вообще замеченною в ученом мире, обратил на себя внимание Гёте; великий поэт и натуралист настолько сблизился с молодым человеком, которому — как и Виланд — предсказывал великую будущность, насколько то допускала 40-летняя между ними разница.

Тесное общение с Гёте на Шопенгауэра имело не меньшее влияние, чем сношения с ориенталистом Фр. Майером, работавшим в ту пору над сочинением «Брама или религия Индусов». Беседы с Майером дали Шопенгауэру внешний толчок к изучению философских и религиозных догм далекого Востока положили начало тому преклонению пред священным писанием Индусов, которое часто находит себе выражение в сочинениях Шопенгауэра. Фр. Майер способствовал, быть может, и буддийской окраске всего философского направления нашего философа — окраске, которая в западноевропейском ученом кажется столь парадоксальною.

Так, по показанию Фрауэнштедта (*Von ihm. Ueber ihn. S. 173, 172*), Шопенгауэр утверждал, что «кто по источникам изучает буддизм, тот испытывает просветление: — это не нелепые бредни о происхождении вселенной из Ничто»... И далее, называя буддистов своими единоверцами, говорил, что «когда будет умирать, то возьмется за буддийское священное писание».

Далее в письме к тому же Фрауэнштедту, от 30 декабря 1854 г. (*Memorabilia. S. 637*), он пишет: «Если вы хотите составить себе вкратце понятие о философии Веданта, т. е. о браманической догматике, то прочтите «*Tamulische Schriften*» Грауля; их моим почитателям рекомендует даже «*Central-Blatt*». Я их только что прочел с большим удовольствием и в истинное себе назидание. Это изгоняет *foetor judaicus*, да еще как! Оум!»...

Не менее интересна оценка — со стороны Шопенгауэра — изданного Анкетиль-дю-Перроном в начале настоящего столетия Упнекхата (*Upnek'hat, id est secretum tegendum*): *opus ipse- in India rarissimum, continens antiquam et arcanam, seu theologicam et philo-sophicam, doctrinam, e quatuor sacris Indorum libris, Rak-beid, Dje-djr-beid, Sam-beid, Athrban-beid, excerptam; ad verbum, e Persico idiomate, Sanscriticis vocabulis intermixto, in Latinum conversum; dissertationibus et annotationibus, difficiliora explanantibus, illustratum*» — (*impr. frat. Levrault. Parisiis an. IX (1801) в 2-х томах in 4°*). Если — как то видно из приведенных выше выписок — влияние Фр. Майера отразилось на всем последующем мышлении Шопенгауэра, то сближение с Гёте привело к тому, что Шопенгауэр в зиму 1813/14 принялся за проверку гётевской «Теории света и цветов», причем маститый поэт не только предоставил в распоряжение Шопенгауэра все оптические свои приборы, но и лично помогал молодому исследователю в производстве наиболее сложных опытов.

Тем не менее однако же пребывание Арт. Шопенгауэра в Веймаре оказалось весьма кратковременным: помимо того, что ближайший антураж г-жи Шопенгауэр, в лице *beaux-esprits*, преобладавших в салоне «богатой вдовы», был мало симпатичен Артуру, и по духу и по стремлениям, — между ним и Иог. Шопенгауэр произошла размолвка. Имея некоторые причины быть недовольным ее близостью к литератору ф. Герстенбергу, Арт. Шопенгауэр 1814 г. перебрался в Дрезден, где и жил до 1818 г. частным человеком, пользуясь тамошними библиотеками и музеями, предпринимая частые экскурсии по живописной Саксонии и посещая оперу и театр, страстным любителем которых он оставался до старости.

В 1815 г. была окончательно обработана для печати его диссертация «О зрении и цветах», составляющая результат проверки Гётевских исследований по оптике. Диссертация эта в рукописи была отправлена к Гёте, которого и сопровождала во время его поездки по Рейну. Издана эта работа в свет весною 1816 г., а впоследствии (в 1830 г.), переработанная и дополненная автором, вошла в сборник Юст. Радиуса «*Scriptores ophthalmologici minores*», под заглавием «*Theoria colorum physiologica, eademque primariae*».

В то же время постепенно вырастал и заканчивался I том «Мира, как воля и представление» — «до некоторой степени помимо воли автора, почти бессознательно,

причем «отдельные части сочинения сплавивались вместе и сходились лучами, словно кристаллы, к одному центру».

Переслав рукопись 1 тома «Мира как в. и пр.» в Лейпциг к известному книгопродавцу Брокгаузу, — выразившему готовность издать сочинение молодого ученого, с уплатой ему гонорара, в размере *одного дуката за печатный лист*, — Арт. Шопенгауэр осенью 1818 г. отправился в Италию, где пробыл до лета 1810 г., ведя рассеянную и кочующую жизнь.

Нежданное банкротство одного торгового данцигского дома, где была помещена часть капитала Г. Фл. Шопенгауэра, и грозившая отсюда мыслителю невозможность продолжать далее безмятежное и обеспеченное существование, в качестве частного человека, побудили Арт. Шопенгауэра основаться в Берлине и начать при тамошнем университете чтение лекций по философии, в качестве приват-доцента; но здесь он вскоре был разочарован во всех своих надеждах.

Появление «Мира как в. и пр.», хотя и вызвало несколько рецензий, причем *И. Ф. Гербарт* и *Ж. П. Рихтер* даже признали за начинающим автором оригинальность и талантливость, тем не менее книга далеко не произвела между современниками сенсации. Равным образом и открытие в Берлине курса лекций, в духе основных положений, намеченных в «Мире как в. и пр.», не вызвало в среде студенчества ни малейшего сочувствия. Несмотря на блестящий дар слова, прив. доц. Шопенгауэр не сумел создать себе аудитории.

Гегель и Шлейермахер, которых можно назвать антиподами Шопенгауэра, поглощали в то время всеобщее внимание и разве только настойчивым упорством Шопенгауэра и желанием резко подчеркнуть, что он намерен вести *антигегелианскую* проповедь, можно объяснить сделанный им для своих лекций выбор тех же дней и часов, в какие читал Гегель.

Софистическая умеренность корифеев Берлинского философского факультета несравненно более отвечала потребностям тогдашней молодежи, чем учение Шопенгауэра, подрывающее все и вся до корня. Тем не менее Шопенгауэр почитал излишним, в угоду времени и настроению слушателей, вводит поправки в свое учение: «...Моделировать философию в угоду власти имущим и делать науку орудием их планов, писал Шопенгауэр, равносильно, на мой взгляд, тому, если бы кто-нибудь шел к Св. Причастию лишь с целью утолить плотский голод»...

С другой стороны, и отношения Шопенгауэра к *профессорской* среде сложились весьма неблагоприятно: доцент Бенеке прямо-таки был враждебен Шопенгауэру, а Гегель, который, опираясь на министра Альтенштейна властвовал надо всем факультетом, — вообще ко всем доцентам кроме своих креатур, относился недоброжелательно, и не только младших членов факультета, но даже и Шеллинга третировал свысока.

Все это, вместе взятое, очень быстро расхолодило рвение, с которым Шопенгауэр принялся было за преподавательскую деятельность.

Совершенно неспособный «извиваться, виллять, приспособляться, отречься от убеждений, льстить, примыкать к приятельским кружкам», Шопенгауэр оказывался мало подходящим под идеал любезного ученой республике «простого, недалекого человека, который тихонько бредет своей тропой, не пытаясь затмевать других своим умом»; поэтому ему оставалось так или иначе, благодушно или затаив желчь, примириться с мыслью, что как животные исполняют некоторые службы лучше, чем люди, удачно напр. отыскивая дорогу или какую-нибудь пропажу, так и ловкие дельцы для практической деятельности оказываются гораздо способнее, нежели гении.

Прекратив лекции на первом же семестре, Шопенгауэр в 1821 г. без всякого ложного самолюбия, сам обратился к роли слушателя и ревностно посещал в Берлинском университете лекции проф. Эрмана по электромагнетизму, а в 1822 г., заинтересованный открытием Флуранса относительно функционирования большого и малого мозга, заново принялся за академическое изучение физиологии. Но отсутствие практической деятельности, при полном расцвете умственных сил, выпавшее на долю Шопенгауэра в Берлине, конечно, мало удовлетворяло внутренние стремления нашего философа. Неудивительно, что,

подавляемый избытком жизненной энергии, он снова пытается искать успокоения в рассеяниях путешествия, тем более, что соглашение с данцигским должником устранило опасение серьезного разорения.

Сохранив номинально звание приват-доцента, Шопенгауэр в мае 1822 г. отправился сначала в Швейцарию, а осенью того же года в Италию; весной 1823 г. Шопенгауэр перебрался через Венецию и Тироль в Мюнхен и здесь провел один из самых тяжелых годов своей жизни: почти целый год он проболел и настолько серьезно, что собирался не раз умирать. Едва оправившись от недуга, сильно состарившись, поседев и; совершенно оглохнув на одно ухо, Шопенгауэр в мае 1824 г. отправился в Гаштейн, где выдержал 2-х месячный курс лечения, а затем, через Маннгейм, направился в Дрезден, где поселился было совсем на жительство. В мае 1825 г. он был внезапно вызван оттуда процессом, который не безуспешно вела с ним в Берлине, в течение 4-х лет, некая старая швея Маркет за то, что, в пылу гнева, он вытолкнул её из передней своей меблированной квартиры, куда она забралась без спросу.

Вернувшись против воли в Берлин, Шопенгауэр предполагал сначала возобновить лекции, но записывалось на них по 3—4 человека и, притом, будущие слушатели оказывались столь разношерстными и мало обещающими, что из-за них у Шопенгауэра не являлось и охоты тратить свое время попусту.

Ведя очень замкнутую жизнь и ненавидя Берлин, «где все в диковинку, дорого, с трудом достается, где припасы какие-то высохшие, черствые, где обманы всякого рода еще более обычны, чем в Италии, где, наконец, частые случаи мошенничества заставляют всех держаться на чеку», Шопенгауэр несколько раз пытался пристроиться к какому-нибудь южногерманскому университету, но переговоры, веденные им с проф. Озанном относительно приглашения в Иену, а потом с деканом Крейцером относительно перемещения в Гейдельберг, ни к чему не привели, и Шопенгауэр, отказавшись окончательно от номинального доцентства покинул в 1831 г. Берлин из страха пред холерою, — в чем нисколько не скрывался и впоследствии, называя себя «убежденным холерофобом». После некоторых колебаний он навсегда поселился во Франкфурте-на-Майне, климат и местоположение коего ему пришлось по сердцу.

Не обладая большим состоянием, Шопенгауэр, при весьма скромных наклонностях, был все же настолько обеспечен, что мог пренебречь срочными литературными работами из-за куска хлеба, а также не гнаться и за какою-либо должностью. Теперь он всецело обращает свои досуги и силы на удовлетворение всегда преобладавшего в нем влечения к метафизике.

Какое самоудовлетворение ему доставляла безмятежная созерцательная жизнь, можно судить по заметке, сохранившейся в посмертных бумагах Шопенгауэра.

«Радость от постижения общего существенного мирового начала с какой-либо стороны, и притом, постижения непосредственного и наглядного правильного и отчетливого, столь значительна, что кто испытал ее, тот забывает более близкие цели личной жизни; стремишься лишь к тому, чтобы, выразить результат достигнутого познания в абстрактных понятиях или, по крайней мере, сохранить сухой бесцветный отпечаток этого постижения и для себя, и для тех, кто умеет оценить этот результат».

Данные, приводимые Гвиннером, показывают впрочем, что мыслитель ни в молодости, ни в старости не имел в своем распоряжении большого капитала. Если принять в соображение, что в течение долгих лет он на свой счет содержал бабку свою Трозинер, то этим ослабляются взводимые на Шопенгауэра обвинения в том, будто философ, проповедуя в теории аскетизм, жуировал и широко пользовался всеми благами жизни. Ни на 1000 талеров, ни на 1000 т. — 800 т. (отчисленные им в пользу бабки) нельзя было жить роскошно — уже потому, что один из наиболее значительных расходов в умеренном бюджете Шопенгауэра составляло приобретение книг, в то время далеко не дешевых.

Какое самоудовлетворение ему доставляла безмятежная созерцательная жизнь, можно судить по заметке, сохранившейся в посмертных бумагах Шопенгауэра.

«Радость от постижения общего и существенного мирового начала с какой-либо стороны, и притом, постижения непосредственного и наглядного правильного и отчетливого, столь значительна, что кто испытал ее, тот забывает более близкие цели личной жизни; стремишься лишь к тому, чтобы выразить результат достигнутого познания в абстрактных понятиях или, по крайней мере, сохраните сухой бесцветный отпечаток этого постижения и для себя, и для тех, кто умеет оценить этот результат».

Преследуя цели теоретического умозрения, Шопенгауэр должен был без торопливости, с любовью разрабатывать по всем направлениям свою философскую систему; и действительно, благодаря, с одной стороны, досугу, а с другой — серьезному отношению к делу, его произведения являлись зрелым плодом свободного творчества, но отнюдь не обуславливались какими-либо посторонними соображениями.

И именно образцовая законченность и продуманность творений Шопенгауэра блестящим образом подтверждает справедливость высказанной им мысли, что философскую науку существенно подвигали вперед лишь такие мыслители, которые работали для науки, не делая из своих ученых занятий ремесла... «Дилетанты, дилетанты, восклицает он, — так ради унижения называют всякого, кто отдается науке или искусству per il loro diletto... А между тем в действительности только для дилетанта самое дело является целью, тогда как для специалиста, как для такового, оно служит лишь средством... Только от дилетантов и исходило великое, а не от наемных лакеев...» В другом месте, возвращаясь к тому же предмету, он замечает: «...если бы с высокого Олимпа нагая истина сошла, без всякого покрова, но ее дары оказались бы не отвечающими требованиям временных обстоятельств и целям высокого начальства, то уж конечно господа «профессии и ремесла» не стали бы терять времени с этой непристойною нимфой, а скорее бы спровадили её с комплиментами на родной Олимп и затем, наложив три перста на свои уста, мирно засели бы за свои руководства. Ибо, конечно, кто вступает в связь с этой голой красоткой, с этой заманчивой сиреной, с этой невестою-бесприданницей, тот должен сказать «прости» счастью занимать кафедру, в качестве философа, оплачиваемого государством».

Лишь в 1836 г. издает Шопенгауэр — чуть ли не на свой счет — краткое, но богатое мыслями исследование «О воле в природе», где систематически излагаются экспериментальные свидетельства, добытые новейшими трудами как в области естествознания, так и в сфере филологии и ориентологии, и подтверждающие положения метафизики Шопенгауэра.

Хотя автор и придавал особенное значение этому произведению, оно прошло так же мало замеченным, как и первые труды мыслителя.

В 1839 г. Шопенгауэр принял участие в конкурсе, объявленном от Королевского Норвежского общества наук в Дронтгейме по вопросу о том, *возможно ли доказательство свободы человеческой воли вывести из самосознания* (Num liberum hominum arbitrium e sui ipsius conscientia demonstrari potest)?

Латинская диссертация Шопенгауэра «О свободе воли была удостоена от Дронтгеймской академии золотой медали, а автор ее был избран академиею в действительные члены.

Эта диссертация была выдана автором в свет в 1841 г., вместе с исследованием по вопросу о том, где следует *искать источника и основания морали: в идее ли нравственности, лежащей непосредственно в сознании (или в совести) и в анализе остальных вытекающих из нее основных нравственных понятий, — или же в ином основании (принципе) познания?* Последнее сочинение, как и первое, написанное по латыни, было представлено Шопенгауэром на конкурс, объявленный от Королевского Датского общества наук в Копенгагене в 1840 г., но премии не удостоено.

В немецком переводе оба эти исследования появились, чуть ли не в виде собственного издания автора, под общим заглавием «Die beiden Grundprobleme der Ethik» и представляют систематическую разработку начал нравственности, установленные в IV книге 1 т. «Мира

как в. и пр.», но в последнем начале эти выводятся синтетически и a priori из метафизики, тогда как в «Задачах Этики» обосновываются аналитически и a posteriori.

Вслед затем в 1844 г. Шопенгауэр убедил издателя Брокгауза выпустить «Мир как в. и пр.». вторым изданием, в коем, кроме первого тома, получившего некоторые дополнения, появился и целый новый 2-й том, где в ряде блестящих отдельных статей — или вернее Essays — развиваются отдельные вопросы, намеченные в 1 томе; за этот труд Шопенгауэр в виде гонорара получил всего лишь *10 даровых экземпляров полного сочинения*.

В 1847 г. вышло в значительно пополненном виде 2-е издание докторской диссертации Шопенгауэра, так как первое издание оной (1813 г.), попавшее, по ошибке, в конкурсную массу Рудольфштатской Комиссионерско-книгопродавческой фирмы, было распродано на вес в виде макулатуры и представляет ныне, как и первые издания «Мира как в. и пр.» и «Воли в природе», библиографическую редкость, высоко ценимую в антикварных каталогах.

Наконец, в 1851 г. издано наиболее популярное из сочинений Шопенгауэра «Parerga и Paralipomena». После продолжительных переговоров издержки по напечатанию этой книги в количестве 750 экземпляров согласился принять на себя Берлинский книгопродавец А. В. Гайн, причем автору, вместо гонорара, было предоставлено *опять 10 даровых экземпляров книги*.

На замечание Фрауэнштедта: не лучше ли было бы, для удобопонятности, дать книге более ясное немецкое заглавие, Шопенгауэр отвечает: «...Parerga обозначают, что книга составляет дополнение к главным моим сочинениям, — чем она в сущности и является. ...Само собою понятно, что я пишу прежде всего для ученых — поэтому встречаются греческие и латинские цитаты. Что же касается просто образованных людей, то они сами увидят, что могут оттуда позаимствовать в назидание себе. И для них кое-чего найдется вдоволь. Только в этих пределах я и могу быть популярным, т. е. снисходить до массы».

Этим и исчерпывается список сочинений Арт. Шопенгауэра, так как в последующее десятилетие он занимался исключительно пересмотром и пополнением ранее написанных сочинений, подготавливая их для последующих изданий, которые в 50-х годах стали быстро расходиться одно за другим. Так в 1854 г. вышло 2-м изданием «О воле в природе», за которое он получил гонорар по 1 золотому (Karolin) с листа; за изданную в том же году Гарткнохом монографию «О зрении и цветах» он получил по 3 дуката с печатного листа; в 1859 г. был выпущен 3-м изданием — в количестве 2250 экземпляров — «Мир как воля и представление, и на сей раз Брокгауз был так далек от жалоб на плохой сбыт книги, что предложил автору даже по 3 фридрихсдора с печатного листа; наконец в 1860 тот же Брокгауз приступил ко 2-му изданию «Основных задач этики»; авторское предисловие к нему помечено августом 1860 г. и Шопенгауэр уведомлял Ашера от 18 августа того же 1860 г.: «...Этика готова, появится еще в этом месяце...»; но выход книги в свет замедлился, и Брокгауз не успел еще выслать во Франкфурт предназначенных автору веленевых экземпляров его сочинения, как Артур Шопенгауэр скончался 21 сентября 1860 г.

Поселившись во Франкфурте-на-Майне с 1831 г. среди Money-jobber'ов и Shopkeeper'ов, Шопенгауэр проводит здесь более тридцати лет и почти никуда отсюда не выезжает; встреченный такою неизвестностью, что случайные знакомые осведомляются у него отнюдь не о личной его деятельности, но о том, не сын ли он знаменитой писательницы Иоанны Шопенгауэр, на закате жизни он достигает широкой популярностью: на вопросы путешественников, не находится ли проездом в городе какая-нибудь коронованная особа, maitres d'hotel'и лучших гостиниц с почтительным поклоном отвечают: «О да! у нас столуется доктор Шопенгауэр»; в городе и малый, и старый знают оригинального старика — «den alten Schoten» — ежедневно, несмотря ни на какую погоду, совершающего длинные прогулки в неизменном старомодном костюме, не лишенном элегантности; а уличные мальчишки, возвращаясь с прогулки по речной набережной и наглазевшись в окна квартиры Шопенгауэра, из которых нередко посматривал любимый пес мыслителя, спешат сообщить домашним, что видели и «младшего Шопенгауэра» сидящим у окна.

С личностью Шопенгауэра настолько срослись эпитеты «*мизантропический мудрец*», «*франкфуртский отшельник*» и т. п., что уже из этих наименований каждый знает, что во Франкфурте Шопенгауэр вел жизнь уединенную и замкнутую.

К этому режиму однако же Шопенгауэр пришел далеко не сразу.

В «Афоризмах о житейской мудрости» Шопенгауэр утверждает, что общество воистину можете быте названо обширным воспитательным заведением по методу Бэлль-Ланкастера, ибо книги и школы, являясь чем-то искусственным, удаляются от плана природы; мыслитель, поэтому, находит вполне целесообразным, чтобы молодые люди посещали общество, как своего рода школу, — и тем прилежнее, чем моложе данный субъект; людям же, переступающим через порог второй половины жизни, Шопенгауэр советует постепенно и по доброй воле суживать кругозор, так как, чем меньше для воли возбуждений, теме лучше: ибо ограничение сферы действий, упрощение отношений к людям и установление однообразия в образе жизни, отнимая внешние поводы к возбуждению воли, в то же время умеряют и ощущение бремени жизни.

Приложение этого же принципа на практике наблюдается и в жизни самого Шопенгауэра.

В юности, пользуясь среди школьных товарищей особым уважением и почетом за свою живость и знания, Шопенгауэр и до поступления в университет, и в студенческую пору предается светским развлечениям. Находя мало прелести в ребяческих формах буршикозной жизни, он сводит знакомства «с баронами и графинями», заботится о внешности, придает значение домашней обстановки, катается верхом, занимается фехтованием, предпринимает частые увеселительные поездки, посещает театры и концерты, охотно участвует в балах и маскарадах. Занятиям — и весьма серьезным — это не мешает; мало того, если с одной стороны он не отказывает ни в денежной поддержке, ни в слове участия и ободрения обделенным судьбою товарищам, вроде Бунзена или Ганса, то, с другой стороны, он от юных лет, сближаясь с людьми, ищет, чтобы они *умственно* были ему по плечу. — Из школьного и университетского кружка, в коих он вращался, выходят такие недюжинные личности, как профессора: Левальд и Озанн, филолог Вильгельм Тирш, поэт Эрн. Шульце, теолог Готфр. Хр. Фр. Люке, филолог К. Лахман и др.

Точно так же *позднее в Дрездене* Шопенгауэр проводит свои досуги в кругу: остроумного знатока искусств Ф. Квандта, поэта Тика, и романистов К. Г. Гейна, Фр. Авг. Шульце и Фр. Г. Тиллинга. Нося характерную кличку *Jupiter tonans*, Шопенгауэр, хотя порою и доезжает приятелей насмешками и впадает в свойственные ему вспышки болезненного самолюбия, тем не менее пользуется общим уважением и любовью; резкости прощаются ему охотно из-за разнообразных умственных интересов, которые за дружескими беседами будит пытливый ум молодого ученого, тогда как глубокая правдивость внутренней личности Шопенгауэра, при полном отсутствии в нем низких и мелких побуждений, действует на близких ему людей обаятельно.

Столь же обаятельно влияет Шопенгауэр и на случайных знакомых, англичан, среди которых по преимуществу вращается в *первое свое путешествие по Италии*. Туристы охотно группируются вокруг него, а он, сыпя остроумною и живою речью, затевает всевозможные экскурсии в живописные местности Южной Италии и с добродушием, не всегда ему свойственным, участвует даже в эксцентричностях симпатичных ему британцев.

Наконец, *живя в Берлине в 20-х годах*, Шопенгауэр ведет знакомство с поэтом Шамиссо, натуралистом А. Ф. Гумбольдтом и Генр. Ф. Лотцовым.

Этот краткий перечень знакомых и приятелей Шопенгауэра говорит сам за себя и поясняет, в чьих одобрениях и в чьем уважении искал Шопенгауэр утешения среди общей к нему невнимательности.

Теми не менее, по мере ознакомления с наукою и с жизнью, Шопенгауэр, в возрасте 23—25 лет, *начинает поддаваться наклонности к уединению*. — Соприкосновения со скромною семейною жизнью он чуждается, ибо в идеалы *sweet home*'а мало верит, вспоминая как отношения своих родителей друг к другу, так и отношения Иоганны

Шопенгауэр к нему самому. Шумные сборища людей, где всех захватывают волны злобы дня и перекрещивающиеся интересы переживаемого момента, кажутся ему антипатичными, а еще более пустым и фальшивым формам поверхностного знакомства он дает отпор просто по инстинкту.

С тем вместе и во *внутренней* его жизни все явственнее слышится нотка недовольства и самим собою и окружающими; уже вскоре после Иенского погрома Иоганна Шопенгауэр могла писать своему 18-ти летнему сыну знаменательные для его характеристики слова: «Я бы рассказала те вещи, от которых волосы становятся дыбом, но не сделаю этого, зная, как ты вообще склонен задумываться над бедственностью человеческой жизни». Опубликованные выписки из позднейших дневников Арт. Шопенгауэра еще более подтверждают, что в молодом человеке, взросшем в обстоятельствах, свободных от тяжелых материальных забот, лишь прирожденная меланхолия духа могла обусловить скорбное содержание его мировоззрения. Это мнение совпадает, впрочем, и с отзывом самого Шопенгауэра, который утверждает, что индивидуальные страдания и недовольство судьбою определяются отнюдь не внешним положением, но различною у разных индивидов степенью восприимчивости к приятным и неприятным впечатлениям.

Недовольство жизнью, разлад с самим собою и унаследованная, быть может, от бабки Серманс и деда Трозинер раздражительность, проходят красною нитью через все существование мыслителя, постепенно возрастая. Такая аномалия в развитии восприимчивой натуры мыслителя начала сказываться еще в годы юности, когда слагается и определяется духовная личность каждого, благодаря целому ряду привходящих моментов; тут не остались без влияния — и отсутствие сверстников, и детство, проведенное исключительно в кругу взрослых людей, лихорадочно в ту пору переживавших смутное для всей Европы время, и обилие внешних впечатлений, почерпнутых из ранних продолжительных путешествий, а также противоречие между прирожденным влечением к науке и насильно навязанною юноше сухою практическою деятельностью, трагическая смерть отца, эгоистическое равнодушие матери, усиленная подготовка к университету и не менее усидчивые академические занятия. Позднее — ряд чисто житейских невзгод и столкновений, обманутые надежды, непреодолимое тяготение к отвлеченному умозрению и преобладающая надо всем прочим склонность жить головою могли только еще более усилить шероховатости в характере и нраве Шопенгауэра.

При общем безотрадном мирозерцании, Шопенгауэр фатально должен был прийти к *отрицательным* взглядам и в области реальных житейских отношений; на нем подтверждается сделанное еще о Ж. Ж. Руссо, г-жой de Stael замечание: «C'est peut etre aux depens du bonheur qu'on obtient ces succes extraordinaires, d'üs ä des talents sublimes. La Nature, epuisee par ces süperbes dons, refuse souvent aux grands hommes les qualites qui peuvent rendre heureux. Qu'il est cruel de leur accorder avec tant de peine, de leur envier avec tant de fureur cette gloire, seule jouissance, qu'il soit peut-etre en leur pouvoir de goüter».

И действительно, к концу пребывания в Берлине он успокаивается на изречении Цицерона: „Nemo potest non beatissimus esse, qui est totus aptus ex sese quicquid in se uno ponit omnia», и к сорокалетнему возрасту вырабатывается в тот цельный тип, каким его рисуют уже наши современники в последние тридцатилетие его жизни: не зная ни колебаний, ни недоумений, он ни на йоту не поступает ни своими теоретическими убеждениями, ни своим брезгливым презрением к «двуногим».

Убежденный в провиденциальности своего призвания, как мыслителя, Шопенгауэр в своих сочинениях нередко возвращается к характеристике гения, имея тут и себя в виду, и противопоставляет *гениальность тупости толпы* заурядных двуногих.

«Проклятие гения, замечает он, в том и заключается, что сам он другим людям кажется недостижимым, а люди, в свою очередь, представляются ему ничтожными и жалкими пигмеями. Подавляя это представление в продолжение всей жизни и не находя себе равных, гений живет, словно в пустыне или на необитаемом острове, населенном обезьянами и попугаями, причем его вечно дразнит соблазн — принять издали животное за человека».

Вынесенное из опыта убеждение в том, что от массы двуногих, по ее дрянности, следует тщательно сторониться, было настолько сильно в Шопенгауэре, что пред этим убеждением смолкало присущее мыслителю сознание бедственности человеческого существования, и он в личной своей практике отвергал правило, им же самим выставленное и гласящее, что «всякая любовь есть сострадание».

Дальше в том же Nachlass (S. 451—452) он замечает: «За редкими исключениями, человек представляет безобразнейшую карикатуру. На каждом шагу мы натываемся на физическое уродство, на выражение низких страстей и низменных стремлений, на следы безумия и умственного развращения. Даже самый вид человека, по большей части, бывает грязный и неряшливый, вследствие гадких привычек. Вообще воля на высшей ступени своего воплощения, в человеке, избрала себе далеко не красивое выражение».

На неразлучную с милосердием и состраданием *терпимость к людям* Шопенгауэр взирал как на плод величайшего к ним презрения: ибо лишь при полном презрении гений перестает почитать людей за равных себе, — точно так же, как двуногие терпимы к животным, которых никому и в голову не приходит упрекать за неразумие или зверские наклонности. При этом Шопенгауэр оговаривается, что дойти до такой терпимости не легко, а доколе гений не проникся этим чувством, состояние его уподобляется ощущению человека, запертого в комнату, стены которой увешаны сферическими и неровно отполированными зеркалами: куда ни повернешься, везде видишь свой же образ, но до неузнаваемости искаженный. Кто же не в состоянии довести презрение к людям до терпимости, тому остается в сношениях с двуногими рекомендовать гордость; ведь, если двуногие еще способны что-нибудь живо чувствовать, то это — боязнь пред высшими, да еще перед теми, кто, не обинуясь, их колет их же низостью .

Придя путем таких рассуждений к выводу, что избранные личности обречены на земное странствие в глубоком одиночестве, Шопенгауэр во Франкфурте на Майне вовсе не поддерживает правильных знакомств и ограничивается в 30-х и 40-х годах лишь застольными беседами с случайными симпатичными ему посетителями гостиницы Englischer Hof. Он не отрицает, что разговор и беседа, сопровождаемые легким возбуждением воли собеседников, составляют для человека почти физическую потребность, но в то же время сознает, что сам-то он способен говорить с людьми только так, как говорит дитя с куклой: ребенок и знает, что кукла его не понимает, а тем не менее путем приятного заведомого самообмана и заблуждения, создает себе иллюзии. В другом месте Шопенгауэр замечает, что близко знакомые часто кажутся ему чуждыми, и что, наоборот, к незнакомцам он относится доверчиво; со всеми же без различия говорит одним языком. Происходит это, в сущности, оттого, что он ото всех одинаково далек и в его глазах утрачивается разница между людьми, — случайно, по внешности, близкими ему или далекими»...

Вместе с тем Шопенгауэр откровенно признается, что животные часто забавляют его более, чем люди. «И, во-первых, о чем говорить друг с другом?» — рассуждает он. «Какие понятия может сообщить человек толпы, если он не рассказывает Вам какого-нибудь происшествия, случая?... Во-вторых, наибольшая прелесть разговора заключается в мимике, в обнаружении характера, хотя бы в мелочах.... У обыкновенных же людей к убожеству их ума присоединяется еще и то, что они всегда носят маску. Иное дело — животные: по отсутствию разума они ничего не скрывают, чрезвычайно наивны и потому занимательны — особенно, если уметь объективно наблюдать их действия».

Но если Шопенгауэр и чувствовал полное отчуждение от отдельных личностей, то тем с большим вниманием и интересом следил он сначала по газетам, а позднее и путем переписки с «апостолами», за всем новым и выдающимся в области политики и литературы.

Когда, благодаря статьям Оксенфорда и Гутцкова и литературной агитации его верных учеников — «апостолов» — Доргута, Фрауэнштедта, Линднера, Ашера, Кильцера, Бэра и др., Шопенгауэр стал выходить из неизвестности, он и сам сделался более охотнее поддаться на сближение с людьми: в 50-х годах начинаются посещения его совершенно незнакомыми почитателями, занимавшими самые разнообразные общественные

положения, и в литературе сохранилось немало заметок, пытающихся воссоздать свидания с мыслителем и воспроизвести блестящие его беседы, преисполненные эрудиции, оригинальности, выразительности и поэтического чувства.

Кроме этих случайных посещений, вносивших в уединенную жизнь мыслителя все новые и быстро одно другим сменяемые впечатления, вокруг него сплотился в конце 40-х и в 50-х годах более тесный кружок горячих поклонников, которые, несмотря на резкие подчас выходки неисправимого учителя, оказывали ему чуть ли не благоговейное внимание. Один из ближайших друзей Арт. Шопенгауэра, Линднер, в объяснение тех чувств, которые питали к мыслителю близкие ему люди, замечает, что в характеристике Шопенгауэра, которую дает Гвиннер в своей книге, недостаточно выпукло представлены светлые стороны этого сложного и оригинального характера, а именно: очаровательная любезность Шопенгауэра, раз судьба его сводила с личностями, по натуре ему сродными, — его живая, глубокая привязанность к людям, которые ему почему-либо были дороги, — его откровенность, и детская или гениальная наивность даже по отношению к тем, кто искал с ним сблизиться скорее из любопытства, чем ради симпатии, и, наконец, глубокая его правдивость.

Переходим теперь к описанию *внешнего образа жизни* Шопенгауэра, который — с легкой руки Гутцкова — подавал повод к стольким резким и односторонним нападкам на мыслителя за то, будто у него слово не сходилось с делом.

Хотя Шопенгауэр и не любил раннего вставания, но, не желая укорачивать наиболее драгоценных для занятий утренних часов, он неизменно, зимою и летом, оставлял постель между 7 и 8 часами и немедленно обтирал все тело колоссальною мокрою губкою, помимо чуть ли не ежедневно принимаемых ванн — теплых или холодных, смотря по времени года. О глазах, как о самом драгоценном органе чувств, он заботился особенно тщательно, промывал их, многократно окунал их раскрытыми в воду и т. д.

Приведя себя в порядок, Шопенгауэр пил кофе, который готовил сам на машинке, а затем приступал к ученым занятиям. Его служанке раз навсегда запрещено было показываться ему на глаза в утренние часы, ибо мыслитель придавал особенное значение тому, чтобы мысли его ничем во время работы не развлекались. За писанием и размышлением Шопенгауэр проводил все утро. В последние годы жизни, впрочем, он принимал перед полуднем посетителей и так как в оживленной беседе время легко забывалось, то ровно в полдень в комнату его входила служанка Шнеп и своим появлением давала знак к прощанию с гостями.

Проводив посетителей, Шопенгауэр обыкновенно около получаса играл на флейте, а затем, сменив домашний костюм на неизменный фрак, при белом галстуке и кружевном жабо, в широкополой квакерской шляпе, к часу выходил из дому и отправлялся обедать. Всю жизнь он неизменно столовался в гостиницах. «*Mihi est propositum in taberna morie*» — уверял он, хотя и тяготился темною стороною посещения ресторанов: говор и гомон посетителей, стук посуды, засаленность кельнеров были Шопенгауэру не по нутру.

За столом он не прочь был поболтать, но всегда держался чопорно и настороже, так как редко находил подходящих себе застольных собеседников. Некоторое время, напр., он ежедневно, усаживаясь за *table d'hôte*, клал перед своею тарелкою золотую монету, которую, уходя после обеда, неизменно клал снова в карман, к немалому недоумению соседей перед этим маневром, возобновлявшимся довольно долго. Когда его спросили, наконец, что это означает, он объяснил, что дал обещание пожертвовать золотой в пользу бедных в тот день, когда садящиеся с ним за один стол офицеры местного гарнизона переведут разговор на что-нибудь путное — с обычных, излюбленных ими тем о лошадях, собаках и женщинах; но что прошло уж несколько месяцев, а злосчастный золотой все еще не может попасть в кружку бедных.

После обеда Шопенгауэр возвращался домой, пил кофе и после часового отдыха некоторое время употреблял на чтение.

Перед вечером Шопенгауэр выходил на прогулку, избирая для этого преимущественно уединенные дороги среди полей и лишь по исключению, когда стояла непогода, ограничивал

прогулку ближайшими пригородными местностями. Походка мыслителя до конца дней отличалась почти юношеской упругостью и быстротою. Во время прогулок Шопенгауэр предпочитал одиночество — с одной стороны потому, что по правилам его гигиены на сыром воздухе Франкфурта следовало дышать через нос, не раскрывая рта, а с другой — из-за глубокой потребности в безмятежном общении с природою.

По окончании послеобеденной прогулки Шопенгауэр заходил в читальню, где аккуратно прочитывал «Times», к которому его приохотил еще с детства отец, и просматривал несколько английских и французских журналов. Немецкой периодической прессе он стал дарить внимание лишь с той поры, когда она начала говорить о нем самом.

Большую часть вечеров Шопенгауэр проводил в концертах или в театре, но с усилением глухоты эти удовольствия постепенно утратили для него прелесть и под конец жизни он ограничивался лишь посещением классических опер, симфоний и ораторий.

Вечер Шопенгауэр заканчивал ужином между 8—9 часами. В гостинице за ужином он обыкновенно выбирал место за незанятым столом и почитал за нарушение приличий, если к нему близко подсаживался кто-либо незнакомый, раз за столом было вдоволь свободных мест. Встречая же за столом знакомых и приятных ему людей, Шопенгауэр охотно присоединялся к беседе и, если предмет разговора был ему по сердцу, то мыслитель просиживал за столом и до глубокой ночи, безо всяких признаков утомления; но такие прегрешения против обычной диететики случались лишь в виде исключения; вообще же Шопенгауэр покидал гостиницу гораздо ранее полуночи и, вернувшись домой, засыпал безмятежным сном.

По поводу вышеизложенных сведений о жизни Шопенгауэра, сообщаемых Гвиннером, Фрауэнштедт утверждает, что он лично между внешнею и внутреннею жизнью мыслителя не усматривает противоречий — если под внешнею жизнью понимать не отдельные, вырванные из строя жизни детали, но весь образ жизни в целом составе. Что же в сущности показывают подробности этой жизни, описанные Гвиннером? Что в обычном образе жизни Шопенгауэра еда, питье, купание, прогулки, словом вся физическая сторона жизни играла лишь второстепенную, подчиненную роль и служила Шопенгауэру, как и всем великим умам, только средством для высшей цели; главным же делом и целью жизни у него всегда, вплоть до смерти, был и оставался умственный труд — искание философской истины и облечение добытых в этом направлении результатов в возможно совершенную литературную форму. Нельзя не согласиться, что внешний образ жизни Шопенгауэра, основанный на здоровых началах гигиены и физиологии, отвечал вполне своей цели — поддерживал здоровье и бодрость тела и духа, и тем давал способы и возможность к непрерывным умственным занятиям.

Вместе с тем, служа своему призванию, Шопенгауэр *не только проповедовал подвижничество, но и сам применял подвижничество к жизни* в том смысле, что все, ради чего софисты жертвуют истиною, — деньги, должности, почести, отличия, одобрение современников и т. д. — все это Шопенгауэр, без колебаний и размышлений, приносил в жертву своему учению — тому, что он почитал истиною; из-за разработки своих взглядов проводит он всю жизнь в глубоком уединении, и, безудачно исследуя и работая, не только ищет истины, но с не меньшею добросовестностью относится и к побочной стороне дела, т. е. принимает близко к сердцу и самое воплощение этой истины в изящную, удобопонятную форму.

Артур Шопенгауэр, после 2—3 дней легкой простуды, скончался внезапно от удара, 21 сентября 1860 г., во Франкфурте на Майне, в возрасте 72 лет и 7 месяцев, за утренним кофе. Он скончался безболезненно, без терзаний, «испытываемых эгоизмом, который претерпевает в минуты смерти полное крушение», и убежденный, что «ни одна пылинка, ни один атом материи не уничтожаются, и что тем менее имеет оснований страшиться для человеческого духа гибели через смерть» — убеждение, странно уживавшееся в мыслителе бок о бок с атеизмом но настолько сильное, что Шопенгауэр утверждал: «Я верю,

что после смерти мы очутимся в таком свете, в сравнении с которым солнечный свет будет тенью».

Незадолго перед смертью, в разговоре с Гвиннером, Шопенгауэр просил его, как своего душеприказчика, похоронить его без всякой пышности и на могиле положить черную гранитную плиту, на которой вырезать «Артур Шопенгауэр» и «ничего более, — никаких чисел, ничего, ни единого слова! «На вопрос Гвиннера, где именно Шопенгауэр желал бы избрать себе место для могилы, он отвечал: «Это безразлично где бы я ни лежал, меня везде найдут».

Духовное завешание мыслителя, от 26 июня 1852 г. и дополнительные к нему статьи, от 4 февраля 1859 г., заключают довольно своеобразные распоряжения.

Главным после себя наследником Шопенгауэр назначал «Фонд, учрежденный в Берлине, как для воспособления прусским воинам, сделавшимся во время революционных движений 1848—49 г. инвалидами при охранении и восстановлении закономерного порядка в Германии, так и для поддержания семейств тех из воинов, кои пали в этой междуусобной борьбе».

Это распоряжение было обусловлено теми чувствами, которые в философе, вообще державшемся в политике консервативных взглядов, пробудились под влиянием картин дикого варварства и разнузданности черни, пережитых во Франкфурте в течение марта по сентябрь 1848 г., и под впечатлением зверского умерщвления ген. Ауэрсвальда и Лихновского чуть ли не на его глазах.

По тому же завещанию дальним родственникам Арт. Шопенгауэра, жившим в Данциге, был предоставлен значительный легат; Маргарите Шнеп — верной служанке, в течение многих лет ухаживавшей за Шопенгауэром, была назначена пожизненная рента; не был также забыт и осиротелый со смертью Шопенгауэра любимый его пудель Бутц — доходом в пользу того, кто обязался бы беречь, холить и кормить собаку. Что касается подвижности, то д-ру Фрауэнштедту Шопенгауэр завещал творения Канта, собственные свои рукописи и право дальнейшего издания своих сочинений, а д-ру Гвиннеру подарил обширную и прекрасную свою библиотеку. Равным образом разом и другие близкие друзья покойного — Бэр, Линднер, Ашер и т. д. — все получили на память, о покойном разные любимые его вещи.

По наружности Шопенгауэр был небольшого роста, коренастый. Лоб его был замечательно развит (по выражению биографов — exorbitant), нос — прямой и правильный, уста и подбородок — сильно развитые; сам он одобрял лишь верхнюю часть своего лица, которая вообще, по его наблюдениям, характеризует интеллектуальную физиономию субъекта, но ему не нравились собственный рот и подбородок, которые, по Шопенгауэру, являются выразителями нравственной индивидуальности.

Голубые глаза его были настолько полны огня и выражения, а взгляд его преисполнен был такой красоты, что Шопенгауэр, особенно в молодые годы, невольно приковывал к себе общее внимание. По свидетельству Гвиннера, когда Шопенгауэр задумывался, он становился похож на Бетховена, в оживлении же разговора казалось, будто видишь пред собою саркастическую физиономию Вольтера. Сам Шопенгауэр пишет Фрауэнштедту, от 30 октября 1853 г., что он снимался дважды, но что полученные им портреты карикатурны. «...Странно, продолжает он, — когда я вглядывался в одно из этих изображений, мне показалось, будто предо мною выплывает лицо Талейрана, которого я в 1808 г. имел случай часто и близко видеть. Спустя несколько дней, сижу я за столом рядом с каким-то старым англичанином; после болтовни, когда между нами установилась некоторая короткость, он мне и говорит: «Хотите я вам скажу, сэр, на кого вы похожи? На Талейрана, которого я в молодости часто видывал и даже разговаривал с ним. Это — курьёзное, но истинное совпадение....»

Шопенгауэр пользовался вообще отличным здоровьем и за исключением тяжелой болезни, перенесенной во время второго путешествия на юг в 1823—1824 гг., кажется, никогда не болел.

Так он пишет Фрауэнштедту, от 1 марта 1856 г.: «На ваш любезный вопрос о здоровье должен сказать, что покуда ни мало не ощущаю тяжести преклонных лет: бегаю, словно гончая собака, чувствую себя отменно, почти ежедневно играю на флейте, летом купаюсь и плаваю в Майне, — что в последний раз имело место 19 сентября прошлого года, катаров не знаю, а глаза сохранил такие, как в студенческую пору. Страдаю только глухотой»... Возвращаясь в 1859 г. к вопросу о своем здоровье, Шопенгауэр тому же Фрауэнштедту от 6 декабря сообщает: «На левое ухо я глохну все более и более, но по всем прочим статьям вполне здоров (*keineswegs*)». — За всем тем в его организации замечался существенный недостаток: *нервность* — преобладавшая надо всем в такой степени, что перед нею и самая воля оказывалась — бессильною. Благодаря этой нервности, Шопенгауэр вечно терзался опасениями болезней, боялся воров, в защиту от которых держал на ночном столике шпагу и заряженные пистолеты, предпочитал жить в нижнем этаже, чтобы легче спастись от пожара и т. д. Не менее характеризует его мнительность перед воображаемыми опасностями и заметка на латинском языке, найденная при духовном его завещании: «Здесь, — пишет он, — я должен обратить внимание душеприказчика на следующее. Прежде всего надлежит тщательно пересмотреть все ящики, полки и углы в письменной конторке, а равно повыбирать все из письменного прибора; затем все письма и бумаги, хранящиеся в маленьких ящичках верхнего отделения конторки, — снабженного запирающейся на замок доскою, — следует перебрать по одиночке, разворачивая каждый отдельный листок, ибо тут могут оказаться некоторые документы и т. п.; равным образом лежащие в самом верхнем отделении конторки нотные тетради необходимо тщательно перелистывать; наконец, самую конторку придется разобрать по отдельным частям и части эти разломать так, чтобы нигде не осталось двух дощечек, скрепленных вместе. Только тогда можно будет получить уверенность, что все существенное уже найдено».

То существенное, что надлежало разыскивать с таким тщанием, оказалось — золотом, процентными бумагами, купонами и иными денежными документами!

В заключение изложенной выше характеристики виновника недавнего чествования, да позволено нам будет привести еще несколько цитат в дополнение к тем, коими мы уже столь обильно утруждали терпение читателя.

Фуше де Карейль характеризует Шопенгауэра в нижеследующих словах: «Шопенгауэр, говорит он, кажется истым современником Вольтера и Дидро, Гельвеция и Шамфора: мысли, всегда живые, — размышления, всегда занимательные, — гипотезы, всегда остроумные, — ненависть ко всяческим излишествам, любовь к порядку и отвращение к обскурантизму, который, если и не составляет греха против Св. Духа, то является проступком против человеческого разума, — все это придает мыслителю своеобразную, характерную физиономию... Его философия была продумана, была проведена через горнило бесед, была проверена жизненным опытом, как и философия Сократа, — но демон Шопенгауэра есть *humor*, это — видоизменение Сократической иронии, а метод Шопенгауэра есть метод Сократа... При этом Шопенгауэр — не только метафизик, он сделан из того теста, из которого делаются и моралисты. Прочтите его *Parerga* и *Paralipomena* и вы найдете здесь странное смешение достоинств и недостатков, которые в равной мере притягивают внимание; принципы морали, правила житейской мудрости, практические советы, гигиена души — здесь все найдется. Я, пожалуй, согласен с тем, что Шопенгауэр — моралист не из особенно приветливых, но ведь есть и горькие растения, сок которых, однако же, очищает и укрепляет организм»...

«Заслуги Шопенгауэра, продолжает *Фуше де Карейль* как философского писателя, как моралиста и даже как психолога, неоспоримы... Его философия зарекомендовывает себя солидными и непреходящими качествами: раздвоение воли, ее изолированность ото всего, что не есть воля, отделение ее от интеллекта, ее почти безграничная обширность, различие того, что разумеется под свободой и произволом, державная и абсолютная реальность воления, господство воли над вселенной, воплощение воли в идее, даже самое отвержение воли, хотя и вызывающее недоумения, но не лишенное величия, все это — черты нового

учения, которые не исчезнут. Наконец и различие в жизни отдельных функций, заимствованное Шопенгауэром у Бита, но разработанное с тою философскою глубиною, которая была недоступна знаменитому анатому, расширяет почти до безграничности горизонты психологии и сближает ее с физиологиею»...

Иного взгляда на Шопенгауэра держится *Дюринг* в своей «*Kritische Geschichte der Philosophie*», он замечает: «...сочинения Шопенгауэра намеренно сконцентрированы в своем объеме и с замечательным старанием составлены таким образом, что, пополняя друг друга, объединяются в одно целое... Относительная ясность и чистота их стиля составляют резкий контраст с запутанным способом изложения, который постепенно заполонил немецкую послекантовскую философию... В мелких своих статьях Шопенгауэр несомненно доказал, что он мог бы развить в себе и качества беллетриста, в благороднейшем значении этого слова. Он проявляет черты истого юмора и способность давать аффектам, при случае, удачное в эстетическом отношении выражение. Наконец, сатирический талант, коим Шопенгауэр умело пользовался и поныне, ощущается его противниками, и наглядным мерилom его является та пугливость, с которою противники Шопенгауэра взирают на распространение его произведений. Несмотря, однако же, на все достоинства в способе изложения (*Expositionsart*), у Шопенгауэра замечается, что он находится под влиянием философской атмосферы романтического характера; если в начале своей деятельности он движется в этой атмосфере довольно непринужденно, то из-под влияния романтизма он и после никогда не высвобождается».

Признавая, что в общем метафизика Шопенгауэра не выдерживает критики, *Дюринг* говорит: «Тем не менее изучение творений Шопенгауэра плодотворно уже потому, что внимание читателя сосредоточивается здесь на отдельных деталях, в разработке которых мыслитель преимущественно проявляет свое дарование. Соображения Шопенгауэра по отдельным вопросам имеют неоспоримую ценность, которая, хотя и умалывается, тесною связью, соединяющей отдельные детали с метафизическими его догмами, не выдерживающими критики, — но за всем тем далеко не отменяется. Философствование Шопенгауэра существенно отличается от тех произведений, от коих, раз покончено с метафизическою их выдуманностью и раз падает общая связь системы, ничего уж более и не остается, что заслуживало бы внимания. Шопенгауэр в самом деле обладает самобытными мыслями и именно такими, что даже там, где читатель и сомневается в их истинности, он все же готов ценить в них прелесть высокоумия».

Смеем думать, что в приведенных отзывах о заслугах Шопенгауэра, сделанных *французским и немецким* исследователями, исходящими из *разных* точек зрения, *не только* поборники Арт. Шопенгауэра, *но и его недоброжелатели* найдут нечто такое, на чем могут сойтись, дабы почтить словом сочувствия и признательности этого *убежденного* искателя истины.

